

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163565-580>

Блохин Владимир Сергеевич

к.пед.н., доцент

Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Россия

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

vladiblok@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СОВЕРШЕНИЯ ТАИНСТВА КРЕЩЕНИЯ И ЦЕРКОВНЫХ ТРЕБ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-АРМЯНСКИХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ (1828–1905 гг.)

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа регулирования ситуаций, в ходе которых для совершения таинства крещения и других церковных треб лица православного исповедания обращались к священникам Армянской апостольской церкви, а лица армянского исповедания – к православным священникам. При этом речь не шла о перемене религиозной принадлежности. Установлено, что такие ситуации происходили из-за вынужденных обстоятельств, однако они влекли за собой негативные последствия государственно-правового, церковно-канонического, бытового характера и приводили к разделению семей по конфессиональному признаку. Например, факт крещения армянским священником ребенка, родившимся у православных супругов, расценивался как «совращение из православия», даже если он был вызван опасной болезнью новорожденного. Если же ребенок-армянин был крещен по православному чину, то формально он становился членом Православной церкви, в то время как его родители продолжали принадлежать Армянской церкви.

Источниковой базой исследования послужили законодательные источники и материалы делопроизводства из фондов Национального архива Армении и Российского государственного исторического архива. Методологически статья построена на систематизации, классификации и анализе указанных документов. Для сопоставления фактов и событий, выявления процесса регулирования церковно-практических ситуаций и определения их роли в истории русско-армянских конфессиональных связей был применен принятый в отечественной науке сравнительно-исторический метод. Сделаны выводы о том, что, во-первых, вхождение Восточной Армении и Армянской апостольской церкви в состав России привело к возникновению ситуаций церковно-практического характера, которые необходимо было регулировать на основе российского законодательства органами управления обеих церквей. Во-вторых, указ Эчмиадзинского синода 1854 г., действовавший до 1899 г., предоставил армянским священникам право совершения всех церковных таинств в отношении армянских детей, крещенных в младенческом возрасте по православному обряду, при условии, что родители, будучи армянского вероисповедания, не давали письменного обязательства воспитывать их в православной вере. В-третьих, покровительственная политика империи в отношении православия и господствующее положение Русской церкви приводили к осложнению взаимоотношений православного духовенства со священнослужителями Армянской церкви. В случаях, когда представители обеих церквей имели исходные равные права на совершение публичных церковных действий (например, чина водоосвящения в праздник Крещения Господня в пределах одного города), первенство, а в отдельных случаях (как, например, в 1858 г. в Астрахани) – исключительное право, предоставлялось Русской церкви.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь; Русская православная церковь; русско-армянские межконфессиональные связи; Святейший правительствующий синод; церковные таинства; Эчмиадзинский синод.

© Блохин В.С., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163565-580>

Vladimir S. Blokhin,
PhD (Pedagogics), Assistant Professor
Ekaterinburg seminary, Ekaterinburg, Russia
Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia
vladiblok@yandex.ru

THE REGULATION OF ISSUES OF PERFORMING BAPTISM AND OCCASIONAL CHURCH RITUALS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-ARMENIA INTERFAITH RELATIONS (1828–1905)

Abstract. The paper attempts to analyze the regulation of cases, in which Orthodox people would ask to perform baptism and other religious rituals priests of the Armenian Apostol Church, while followers of the Armenian faith – priest of the Orthodox Church, without changing one’s religious affiliation. It has been determined that such situations occurred due to compelling reasons, which entailed negative consequences of the state-legal, church-canonical, everyday nature and led to the separation of families on a confessional basis. For instance, the fact that a child born to an Orthodox spouse was baptized by an Armenian priest was regarded as “leading astray from Orthodoxy”, even if a newborn was seriously ill. If an Armenian child was baptized according to the Orthodox order, then formally he became a member of the Orthodox Church, while his parents continued to belong to the Armenian Apostol Church.

The study uses legislative sources and materials of record-keeping of the National Archive of Armenia and the Russian State Historical Archive. Methodologically, the article is based on systematization, classification and analysis of these documents. The comparative-historical method has been applied to compare facts and events, identify the process of regulating church practical situations and determine their role in the history of Russian-Armenian confessional relations. It has been concluded that, firstly, the incorporation of Eastern Armenia and the Armenian Apostolic Church into Russia led to the emergence of issues of a church-practical nature, which should have been regulated on the basis of the Russian legislation by the governing bodies of the both churches. Secondly, the decree of the Echmiadzin Synod of 1854, which was in force until 1899, granted Armenian priests the right to perform all church sacraments in relation to Armenian children baptized in infancy according to the Orthodox order, provided that the parents, being of Armenian religion, did not give a written commitment to educate them in the Orthodox faith. Thirdly, the patronizing policy of the empire in relation to Orthodoxy and the dominant position of the Russian Church led to complications in the relationship between the Orthodox clergy and the clergy of the Armenian Church. In cases where representatives of the both churches had the initial equal rights to perform public church rituals (for example, the rite of consecration of water on the feast of the Epiphany of our Lord within one city), priority – and, in some cases (as, for example, in 1858 in Astrakhan) – the exclusive right, – was granted to the Russian Orthodox Church.

Keywords: Armenian Apostol Church; Russian Orthodox Church; Russia-Armenia interfaith relations; The Most Holy Governing Synod; church rituals; Echmiadzin Synod.

© V.S. Blokhin, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

В настоящей статье под русско-армянскими межконфессиональными связями понимаются связи между Русской православной и Армянской апостольской¹ церквами, истоки формирования которых уходят еще в эпоху Киевской Руси.

Значимым процессом, повлиявшим на укрепление данных связей, стало возникновение на территории России двух армянских епархий – Астраханской (1717 г.) и Бессарабской (1809 г.) – и первых армянских храмов². Многонациональный и поликонфессиональный состав населения России обусловил тот факт, что еще в начале XVIII в. были сформулированы официальные правила относительно приема иноверцев в православие [2, 3].

После вхождения Восточной Армении в состав Российской империи (1828 г.) армянские общины и епархии получили еще больший импульс к распространению в российских землях. Статус, права и привилегии Армянской апостольской церкви (далее – ААЦ) в империи нашли свое официальное закрепление в «Положении об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России», принятом 11 марта 1836 г.³ За армянскими священнослужителями были закреплены права на совершение богослужений и решение прочих церковных вопросов в рамках канонических норм ААЦ.

Вместе с тем, упомянутые события послужили причиной появления проблемных ситуаций церковно-практического характера. Часть армян, проживавших в местах, где по каким-либо причинам отсутствовал армянский храм, стали испытывать трудности с крещением детей и отпеванием умерших. С аналогичными проблемами столкнулись и лица православного исповедания, оказавшиеся в разных уголках Восточной Армении, где процесс появления православных храмов растянулся на десятилетия. Таким образом, перед российским законодательством и органами управления Русской и Армянской церковью (Святейшим правительствующим синодом и Эчмиадзинским синодом) встал вопрос о правомерности осуществления таинств (в первую очередь – крещения) и треб православными священниками в отношении армян, с одной стороны, и армянскими священниками в отношении лиц православного исповедания – с другой, а также о необходимости регулирования этих действий.

Цель статьи – анализ регулирования ситуаций, не связанных с переменой религиозной принадлежности, однако в ходе которых для совершения таинства крещения и других церковных треб лица православного исповедания

---

1 Справедливо заметить, что еще в XV в. после унии Армянской апостольской церкви с Римским престолом часть армян и армянского духовенства оформились в Армянскую католическую церковь, которая не является объектом нашего исследования.

2 В первой четверти XIX в. на территории Российской империи насчитывалось 48 армянских церковных общин, в т. ч. 43 храма, 2 часовни и 3 монастыря. Данные цифры не учитывают храмы и монастыри, находившиеся на территории Восточной Армении. Данные приводятся на основе документальных материалов, опубликованных в энциклопедическом издании «Армянские церкви Российской империи (1717–1917)» [1].

3 Несмотря на то, что в Положении и других нормативных правовых актах Российской империи второй четверти XIX – начала XX в. Армянская Апостольская Церковь именовалась «Армяно-Григорианской» (или «Армяно-Грегорианской»), для самой Армянской Апостольской Церкви оно является неприемлемым.

обращались к священникам ААЦ, а лица армянского исповедания – к православным священникам.

Следует сказать об историографии темы. Интерес к истории Армянской церкви в России сформировался уже в середине XIX столетия [см., напр.: 4–6]. В советский период церковная тематика не приветствовалась, однако историки того времени внесли немалый вклад в изучение политических, экономических и культурных русско-армянских отношений, в исследование истории армянских колоний в российских землях [7–9]. В настоящее время отдельные стороны русско-армянских межконфессиональных связей синодального периода, анализ российского законодательства об Армянской церкви, вопросов национальной политики империи XIX в. отражены в работах как российских, так и армянских историков [10–19]⁴. Из работ европейских авторов стоит выделить исследования П. Верта и Дж. Гуайты [20–21]. Имеется достаточно большой массив исследований, посвященных анализу российского законодательства в отношении Русской церкви и неправославных исповеданий. В работах И.В. Амбарцумова и А. В. Ведяева раскрыт процесс правового регулирования религиозно смешанных браков (включая браки между лицами православного и армянского исповеданий) и крещения детей, рожденных в результате таких браков [22]⁵.

Наиболее близкими к рассматриваемой нами проблематике выступают статьи И.В. Долженко и А. Айрапетяна, посвященные отдельным сторонам миссионерской деятельности Русской Православной церкви среди армянского населения Восточной Армении [23–24]. Между тем процесс регулирования ситуаций, связанных с обращением православных семей к армянским священникам, а армянских семей к православным, вызванных отнюдь не желанием перемены вероисповедания, но необходимостью получения пастырской помощи, по-прежнему остается малоизученным явлением в истории русско-армянских межконфессиональных связей.

Хронологические рамки исследования: 1828–1905 гг. Начальная дата связана с вхождением Восточной Армении, включая Эчмиадзин – административный центр ААЦ и резиденцию католикоса всех армян, – в состав Российской империи. Конечная дата определяется принятием ряда нормативно-правовых актов о веротерпимости в Российской империи, которые стали основанием для пересмотра действующего законодательства по делам вероисповеданий и изменения государственной политики в сфере религии.

Источниковой основой исследования послужили неопубликованные ранее документы из фонда 56 Национального архива Республики Армения (НАА) и фонда 821 Российского государственного исторического архива (РГИА),

4 См. также: Августин (Никитин), архим. Армянская христианская община в Петербурге [дата обращения: 05.05.2020]. Доступ по ссылке: <https://spbda.ru/publications/arhimandrit-avgustin-nikitin-armyanskaya-hristianskaya-obschina-v-peterburge>; Мовсесян К., диак. Армянские епархии в России: Дис. ... канд. богословия. – Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. – 174 с.

5 См. также: Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2014. – 256 с.

а также материалы отечественного законодательства. Методологически статья построена на систематизации, классификации и анализе указанных документов. Для сопоставления фактов и событий, выявления процесса регулирования церковно-практических ситуаций и определения их роли в истории русско-армянских конфессиональных связей был применен принятый в отечественной науке сравнительно-исторический метод.

Итак, после 1828 г. на территории Восточной Армении появилось русское население, представленное в первую очередь военными и гражданскими служащими, а также членами их семей. Необходимость крещения детей, родившихся в семье православных супругов, привела к возникновению первых проблемных ситуаций церковно-практического характера.

Известно, что 7 октября 1837 г. смотритель госпиталя города Нахичевани Акимов письменно попросил священников из местного армянского храма о крещении младенца, родившегося в семье служителя госпиталя Ивана Пискунова, православного исповедания. Просьба была вызвана двумя причинами: отсутствием в Нахичевани православного священника и «опасной болезнью» родившегося ребенка⁶. В ответ на просьбу смотрителя армянские священники крестили новорожденного⁷.

Спустя месяц, Нахичеванское армянское духовное правление уведомило членов Эриванской епархиальной консистории (ААЦ) о том, что в связи с отсутствием в городе «греко-российского» (т.е. православного) священника чиновники православного исповедания «обращаются к армянскому духовенству для исполнения по обряду сей церкви разных духовных треб как-то: крещения, погребения и проч.»⁸. Таким образом, можно констатировать, что случаи обращения православных лиц к армянским священникам Нахичевани были не единичными.

Нахичеванское духовное правление просило также Эриванскую консисторию разъяснить, могут ли лица православного вероисповедания в исключительных случаях обращаться к армянским священникам для совершения церковных таинств и треб над младенцами (например, при угрозе жизни младенца или необходимости крещения внебрачных детей, родившихся у лиц православного и армянского вероисповеданий)?⁹ Для разрешения этого вопроса члены Эриванской епархиальной консистории ААЦ обратились к Российскому Святейшему правительствующему синоду.

Опираясь на действующие нормы брачного (ст. 52–54 тома X Свода Законов Российской империи (далее – СЗРИ) 1832 г.) и уголовного законодательства (ст. 81, 82, п. 5 90 и 93 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г.), Святейший синод в июне 1838 г. вынес определение: «закон воспрещает иноверческому духовенству преподавать православным

6 Дело по рапорту Эриванской Консистории с испрошением разрешения, как должно поступать в случаях когда по неимению священника греко-российского исповедания лица того же исповедания обращаются к армянскому духовенству о преподавании им духовных треб // Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 214. Л. 10.

7 Там же. Л. 22.

8 Там же. Л. 10.

9 Там же. Л. 10.

духовные требы, или, что одно и то же, совращать православных в иноверие, и совратителя, каким бы образом и под каким предлогом совращение не было, преследует строгостью суда». Синод также просил министра внутренних дел вынести постановление о том, чтобы «...армянские священники отнюдь не были допускаемы к совершению у православных треб, особенно крещения; и чтобы дети, прижитые в незаконной связи лиц господствующей греко-российской веры с лицами всякого другого исповедания, крещаемы и воспитываемы были в правилах веры греко-российской»¹⁰.

Поскольку закон запрещал католическому и протестантскому духовенству осуществлять церковные таинства и требы в отношении лиц православного исповедания (ст. 81 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г.), то данная норма была распространена на аналогичные действия армянских священников. За нарушение подобных действий на основании п. 1 ст. 93 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г., армянских священников Нахичевани следовало «удалить от ... прихода и от приходской службы во всяком другом месте», т.е. запретить в священослужении¹¹. Однако, учитывая, что «нарушение ими правила ... произошло от неведения законов, в стране, вновь присоединенной к Российской империи, еще неизвестных», Святейший синод предписал «ограничиться на сей раз сделать им строгое замечание со внушением им сих правил, и того, что за подобное впредь действие они подвергнуты будут взысканию законами определенному»¹². Об этом извещались члены Эриванской епархиальной консистории ААЦ и главы других армянских епархий¹³.

8 декабря 1838 г. главноуправляющий Грузии, Кавказской области и Закавказского края Е.А. Головин направил в Эчмиадзинский синод уведомление «о сделании строгого внушения армянским священникам, совершившим св. крещение над младенцем греко-российского исповедания»¹⁴. Подтверждался запрет священникам ААЦ на совершение духовных треб в отношении лиц православного исповедания, аналогичных действиям армянского духовенства Нахичевани.

Тем временем, 18 сентября 1838 г. настоятель Акулисского армянского монастыря во имя св. апостола Фомы иеромонах Погос совершил погребение «чиновника особых поручений Эриванского областного правления губернского секретаря Казаченко в ограде того монастыря»¹⁵. Руководствуясь нормой п. 2 ст. 93 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г., Эчмиадзинский синод 28 ноября 1838 г. предписал отстранить иеромонаха Погоса от должности настоятеля монастыря¹⁶.

10 Там же. Л.13–13об.

11 Там же. Л. 2 об.

12 Там же. Л. 2 об.

13 Там же. Л. 2 об.

14 Там же. Л. 22–22 об.

15 Там же. Л. 41. Село Акулисы на тот момент находилось в Ордубатском округе Армянской области.

16 Там же. Л. 42.

Факт проживания в городе Нахичевани служащих православного вероисповедания и отсутствия в городе православного храма привел к появлению еще одного спорного вопроса межконфессионального характера. Приступая к управлению Нахичеванским уездом, его начальник 31 октября 1840 г. сделал запрос на имя прокурора Эчмиадзинского синода Корсанова о том, могут ли армянские священники приводить к присяге лиц православного исповедания?¹⁷ В ответе прокурора от 9 ноября 1840 г. значилось следующее: «...лица православного исповедания присягают пред Св. Евангелием по чиновной книге, а лица других вероисповеданий – по их закону (том X Свода гражданских законов ст. 1848 и 2297)»¹⁸. Таким образом, православных лиц могли приводить к присяге лишь православные священники.

Приведенные ситуации свидетельствуют, что действия, выражавшиеся в совершении таинств и треб армянскими священнослужителями по отношению к лицам православного исповедания, расценивались как «совращение из православия» и влекли уголовные санкции. Впоследствии ответственность за подобные действия была закреплена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) и Новом уголовном уложении (1903 г.).

Теперь обратимся к ответу на вопрос: насколько правомерными являлись факты крещения армянских детей православными священниками, и каким образом воспринимали данные факты представители ААЦ?

Согласно ст. 76 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г., духовенству православного исповедания вменялось в обязанность «крестить детей родителей какого-либо из иноверных христианских исповеданий не иначе, как по отобрании от родителей письменного обязательства, что они будут воспитывать сих детей в правилах православного исповедания». Следуя этому правилу, православный священник мог крестить ребенка из армянской семьи при условии, что родители письменно брали на себя обязательство воспитывать такого ребенка в православной вере.

Весьма интересно, что 30 июля 1854 г. Эчмиадзинский синод издал указ, согласно которому армянские священники получали право совершать все церковные таинства в отношении лиц, которые в силу крайней необходимости были крещены в младенческом возрасте по чину Православной церкви, при условии, что их родители, будучи армянского вероисповедания, не давали письменного обязательства воспитывать детей в православном вероисповедании¹⁹. После проведения специального дознания, в результате которого выяснялось, что письменного обязательства не предоставлялось, армянские епархиальные консистории вносили таких детей в список лиц армянского исповедания и выдавали их родителям метрические свидетельства о рождении и крещении с

17 Дело по отношению исправляющего должность Нахичеванского уездного начальника о том, что: могут ли священники армяно-григорианского исповедания приводить к присяге лиц православного исповедания? // НАА. Ф. 56. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–10б.

18 Там же. Л. 2.

19 Дело об отпадении от православия в армянскую веру // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 13. Л. 53.

предписанием, что обряд крещения совершен таким-то православным священником²⁰.

Логика эчмиадзинских духовных властей строилась на том основании, что крещение детей из армянских семей по православному чину допускалось исключительно в силу вынужденных обстоятельств – в первую очередь, из-за невозможности добраться до ближайшего армянского храма или болезни, представляющей опасность для жизни новорожденного ребенка. Данное обстоятельство вовсе не было вызвано желанием родителей-армян воспитывать своих детей в православной вере.

Большинство таких крещений происходило в пределах Бессарабской и Ново-Нахичеванской епархии ААЦ, юрисдикция которой распространялась на армянские общины, проживавшие на территории центральной России до низовьев Дона и Бессарабской области (с 1873 г. – губернии), а также в Екатеринославской, Таврической и Николаевской губерниях. Действительно, что в ряде городов, имевших армянское население (в частности, Таганроге, Ялте, Кивее, Харькове и др.), армянские храмы или молитвенные дома появились лишь к концу XIX – началу XX в. [1. С. 111–112, 307–308, 338–339, 279–281]. Кстати сказать, факты подобных крещений свидетельствовали о нарушении православными священниками действующего законодательства, что выражалось в опущении обязанности потребовать перед крещением у родителей-армян письменного обязательства о воспитании своего ребенка в православной вере.

Указанный выше порядок выдачи армянскими епархиальными консисториями метрических свидетельств о рождении и крещении сохранялся практически до конца XIX столетия. Лишь спустя почти полвека, министерство внутренних дел посчитало данную процедуру выдачи метрических свидетельств незаконной. На основании указа Эчмиадзинского синода от 24 декабря 1899 г. Нахичевано-Бессарабская армянская консистория была вынуждена прекратить выдачу таких свидетельств²¹. Однако данное решение мгновенно привело к сложной религиозной ситуации в среде армянских общин.

В частности, материалы дела 13 (ф. 821, оп. 7) РГИА содержат сведения об армянских семьях города Николаева. Часть армянских детей была крещена приезжавшим один раз в год армянским священником²²; другая – в местном православном храме, при этом родители не давали письменных обязательств воспитывать детей в православном вероучении²³. На запрос армян о конфессиональной принадлежности их детей, принявших крещение по православному чину, Департамент духовных дел иностранных исповеданий отвечал, что по закону дети отныне являются членами Православной церкви²⁴. Тем не менее, в апреле 1902 г. армяне Николаева вновь обратились в Департамент

20 Там же. Л. 58 об.

21 Там же. Л. 58 об.

22 Армянский храм в Николаеве начал функционировать лишь в наши дни – с 2012 г.

23 Дело об отпадении от православия в армянскую веру // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 13. Л. 53.

24 Там же. Л. 53.

с просьбой разрешить сложившуюся ситуацию, т.к. совершение таинства крещения по православному чину в отношении их детей объяснялось не вероучительными доводами, а лишь ситуацией крайней необходимости.

Дело было передано на рассмотрение в Святейший правительствующий синод. Составление ответа было поручено члену синода – архиепископу Алексию (Опоцкому), который в 1901–1905 гг. возглавлял Грузинский экзархат Русской православной церкви, охватывавший православные приходы на территории Закавказья.

Архиепископ Алексей писал, что закавказские армяне не видели особой разницы между армянской верой и православием и свободно посещали православные богослужения и почитаемые Православной церковью святые места. В качестве примера экзарх приводил факты посещения армянами православного Сионского собора в Тифлисе и Марткопского монастыря. Более того, «некоторые православные монастыри и церкви армяне даже больше поддерживают пожертвованиями, чем православные грузины», – отмечал экзарх²⁵.

В отношении армянских детей, крещенных по православному обряду, экзарх формулировал следующий вывод: «То обстоятельство, что с просителей армян, крестивших детей по православному обряду, не взято установленной подписки в том, что они будут воспитывать детей в православии, относится к вине священников, совершавших крещение, а самим просителям не дает никаких прав в выборе веры для детей в виду ясного указания закона, по которому крестившийся в православии не может уйти из Православной церкви»²⁶. Если же родители-армяне не будут воспитывать ребенка в православии, то такую задачу «успешно совершит школа и сама жизнь», – был уверен владыка Алексей²⁷.

Таким образом, мнение архиепископа Алексея основывалось на нормах действующего законодательства и целиком отвечало интересам господствующей Православной церкви. Примечательно, что после 1905 г., когда переход из православия в другое христианское исповедание более не подлежал преследованию, появились случаи перехода из православия в армянское исповедание на том основании, что в детстве ребенок-армянин был крещен православным священником исключительно в силу вынужденных жизненных обстоятельств²⁸.

Заметим, что с данными переходами связано следующее интересное явление. В результате миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Восточной Армении еще с 1860-х гг. начался довольно активный процесс целенаправленного и добровольного принятия православия армянами из числа сельского населения, что во многом обуславливалось экономическими нуждами. Однако устойчивость позиций Армянской церкви в регионе, ее объединяющая роль в истории армянского народа и поверхностный характер приобщения

25 Там же. Л. 64.

26 Там же. Л. 64 об.

27 Там же. Л. 64 об.

28 Об этом, например, удачно свидетельствует содержание дела о переходе из православия в армянскую веру армянки Тамары Гамазаспьянц; НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3572. Л. 11.

армян к православию повлияли на то, что после принятия нормативных правовых актов о веротерпимости в 1905 г. большая часть армян вернулась в армянское исповедание [23. С. 76–82]. Справедливо полагать, что мотивы возврата в лоно Армянской церкви (армян, крещенных в православии в младенчестве, и армянских крестьян, принявших православие сознательно) были усилены в то время проводимой российским правительством на рубеже XIX–XX вв. в Закавказье русификаторской политикой, одним из инструментов которой выступала Русская Православная церковь.

На протяжении XIX столетия проблемный характер приобрели не только вопросы, затрагивавшие религиозные права отдельных лиц православного и армянского исповеданий, но и ситуации, в ходе которых столкновение интересов и прав православных и армянских священнослужителей происходило при совершении ими публичных церковных действий.

Иллюстрацией служат документы, повествующие о порядке совершения чина водоосвящения в праздник Крещения Господня, который как в Русской, так и в Армянской церкви отмечается по юлианскому календарю 6 января.

Любопытным по содержанию выступает дело 1233 (ф. 56, оп. 1) Национального архива Армении. За три недели до наступления праздника Крещения Господня, 14 декабря 1842 г. Грузино-Имеретинский губернатор вынес предписание, чтобы в Эривани «армянское духовенство в день крещения Спасителя выходило на Иордан после духовенства православного исповедания, и чтобы армянский Иордан поставить ниже русского – в расстоянии на 50 сажен по течению реки Занки»²⁹. Следует заметить, что «выходом на Иордан» традиционно назывался торжественный выход духовенства на освящение воды в реке в праздник Крещения.

За неделю до праздника Грузино-Имеретинский губернатор сообщал в Эчмиадзинский синод о том, что «по соглашению с высокопреосвященным экзархом Грузии сделано распоряжение, дабы как православное, так и армяно-григорианское духовенство совершили водоосвящение в день Св. Крещения каждое по обрядам своей религии, не препятствуя ни в чем одно другому, подобно как это делалось прежде»³⁰. Прокурору Эчмиадзинского синода Матинову было указано, чтобы Эчмиадзинским синодом «были сделаны все распоряжения к устранению могущих родиться причин к неудовольствию между духовными православными и армяно-григорианскими»³¹, что и было впоследствии исполнено.

Если в Эривани право публичного водоосвящения было отдано в равной степени как православной, так и армянской стороне, при условии предоставления

29 Дело по рапорту Эриванской консистории с донесением о воспоследовавшем в оную консисторию требования Эриванского уездного начальника, основанном на предписании Грузино-Имеретинского гражданского губернатора, дабы армянское духовенство в день крещения Спасителя выходило на Иордан после духовенства православного исповедания, и чтобы армянский Иордан поставить ниже русского – в расстоянии на 50 сажен по течению реки Занки // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1233. Занку (Зангу) – второе армянское название реки Раздан, левого притока Аракса.

30 Там же. Л. 7.

31 Там же. Л. 7.

первенства освящения православному духовенству, то спустя почти десять лет в Астрахани ситуация приобрела совершенно иной характер.

В 1851 г. глава Астраханской епархии ААЦ епископ Барсег предложил совершить публичный чин водоосвящения в праздник Крещения Господня на Варвациевском канале между Армянским и Троицкими мостами³². Астраханский губернатор Г.Г. Басаргин ответил епископу Барсегу, что его предложение невозможно выполнить ввиду двух обстоятельств. Во-первых, в этот день на том же самом канале должно было совершиться водоосвящение по православному чину. Во-вторых, ранее водоосвящение у астраханских армян происходило обычно внутри их собственных храмов, и не существовало прецедента одновременного освящения воды православным и армянским духовенством на оном и том же водном источнике³³.

В ответ владыка Барсег заявил, что данные обстоятельства могли бы быть разрешены: водоосвящение по армянскому обряду могло быть совершено часом позже православного и на другом водном источнике Астрахани – реке Кутуме. Тогда астраханский губернатор заявил, что «обстоятельство это представлено будет через кого следует ... для руководства на будущее время»³⁴.

Вопрос решался долго. Лишь 25 февраля 1858 г. свое суждение по нему выразил глава православной Астраханской епархии – епископ Астраханский и Енотаевский Афанасий (Дроздов), указав на следующие черты религиозной ситуации в Астрахани:

– большая часть православного населения Астрахани смешивала понятие «армяне» с «арианами» – последователями еретического учения Ария (IV в.)³⁵;

– армянские обряды (речь шла не только об освящении воды в праздник Крещения Господня) служили поводом для соблазна православных людей, поскольку церковный календарь ААЦ в целом отличался от календаря праздников, принятого в Русской церкви;

– раскольники, проживавшие в Астрахани, «по грубости и невежеству» даже не считали армян христианами;

– среди приезжающих в Астрахань торговцев были как православные, так и сектанты, которые в свою очередь «еще более чуждались армян, чем коренные жители астраханские»³⁶.

Заключение владыки Афанасия сводилось к следующему: «Армяне не гнушаются Православной церкви, ходят во многие храмы для молитвы, молятся с особым усердием и принимают от православных священников благословение и окропление освященной водой, поэтому и нет уважительной причины совершать армянскому духовенству по своему обряду открытое на реке водоосвящение и тем более, что оно как прежде совершалось, так и ныне совершается при их церквях»³⁷.

32 Дело по донесению начальника Астраханской губернии о водоосвящении по обряду армяно-григорианской церкви // РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 47. Л. 1.

33 Там же. Л. 1–1 об.

34 Там же. Л. 1 об. – 2.

35 Там же. Л. 2 об.

36 Там же. Л. 2 об. – 3.

37 Там же. Л. 3–3 об.

Окончательное решение вынесла Астраханская православная епархиальная консистория: допущение водоосвящения по армянскому обряду «не принесет армянам никакой пользы и может еще усилиться к ним неприязнь от просто-народия, а для Православной церкви могут быть и печальные следствия от ее сынов или в охлаждении рассеянии, молвы между православными в других губерниях, или в тайном нерасположении и даже уклонении от Церкви, не говоря уже о раскольниках, которые изыскивают подобные случаи, чтобы порицать Православную церковь в соединении с еретиками, хотя в мнимом, и тем поколебать простодушный, легковёрный и необразованный класс народа»³⁸.

Уведомление о недопустимости армянского водоосвящения, сделанного на основе высочайшего повеления, запрещающего иностранным исповеданиям проведение публичных ходов и процессий, было официально подтверждено отношением министра внутренних дел С. С. Ланского на имя астраханского губернатора от 29 октября 1858 г.³⁹

Подводя итоги, остановимся на следующих выводах.

Вхождение Восточной Армении и ААЦ в состав России, приток лиц православного исповедания на присоединенные земли Восточной Армении и увеличение армянского населения в российских городах привели к возникновению ряда проблемных ситуаций церковно-практического и канонического характера. Проанализированные в настоящей статье ситуации можно классифицировать по двум группам:

– ситуации, связанные с необходимостью осуществления таинства крещения и других церковных треб, для совершения которых лица православного исповедания обращались к армянским священнослужителям, а армяне – к священникам Православной церкви; при этом вопрос о целенаправленной перемене религиозной принадлежности не ставился;

– ситуации, связанные с реализацией прав православными и армянскими священнослужителями на совершение публичных церковных действий (в частности, водоосвящения в праздник Крещения Господня) в пределах одного города.

Регулирование указанных ситуаций происходило силами российского законодательства и органами управления Русской и Армянской церковей.

К возникновению ситуаций первой группы приводили вынужденные условия: чаще всего – отсутствие храма или священнослужителей соответствующего исповедания. Оберегая интересы Русской православной церкви, нормы российского законодательства запрещали католическому и протестантскому духовенству осуществление таинств и треб по отношению к лицам православного исповедания. После 1828 г. запрет аналогичных действий был распространен и на армянское духовенство. Исследование показало, что факты совершения армянскими священнослужителями таинства крещения и чина отпевания в отношении православных лиц хотя и происходили, но были весьма

38 Там же. Л. 3 об.

39 Там же. Л. 7.

немногочисленны и наблюдались лишь в течение первых лет после вхождения Восточной Армении в состав России.

Руководствуясь указами Эчмиадзинского синода, с 1854 до 1899 гг. армянские епархиальные власти выдавали собственные метрические свидетельства детям, которые были крещены в младенческом возрасте по православному чину в силу крайней необходимости, при этом их родители не брали на себя письменных обязательств воспитания детей в православной вере. Признание российскими чиновниками и представителями Русской церкви неправомерности данной практики на рубеже XIX–XX вв. усложнило религиозную жизнь тем армянским семьям, которые столкнулись с подобными ситуациями, и вызвало недовольство в армянской среде. Данный фактор усугублялся событиями конца XIX столетия: закрытием в 1885 г. армянских церковно-приходских школ, проведением русификаторской политики и укреплением Православной церкви в Закавказье. Поэтому закономерно, что после 1905 г. наметилась тенденция перехода армян, крещенных в православии в детском возрасте, в лоно Армянской церкви. Похожее явление распространилось и среди армян, проживавших в Восточной Армении: приняв православие сознательно под влиянием священников-миссионеров, они постепенно стали возвращаться в родное армянское исповедание.

Ситуации, относящиеся ко второй группе, свидетельствуют о том, что покровительственная политика империи в отношении православия и господствующее положение Русской церкви приводили к осложнению контактов православного духовенства со священнослужителями ААЦ. В случаях, когда представители обеих церквей имели исходные равные права на совершение публичных церковных действий (например, чина водоосвящения в праздник Крещения Господня в пределах одного города), первенство, а в отдельных случаях (как, например, в Астрахани) – исключительное право, предоставлялось Русской церкви.

Как показало исследование, процесс регулирования ситуаций, связанных с совершением таинств и треб, вполне можно рассматривать как отдельное направление в сфере русско-армянских межконфессиональных связей, которое связано с практическими пастырскими и богословскими вопросами, обсуждаемыми поныне в процессе двустороннего диалога между Русской и Армянской церквами⁴⁰.

40 Совместная декларация Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Гарегина II, 18 марта 2010 г. [дата обращения: 05.05.2020]. Доступ по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1116984.html> (Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского патриархата).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). – Ереван: Тигран Мец, 2009. – 412 с.
2. Грамота государю Петру I от Константинопольского патриарха Иеремии «О некрещении вновь приступающих к благочестивой греческой вере лютеран и кальвинов и о помазании их святым миром», 31 августа 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Т. V: 1713–1719. – СПб.: Тип. II Отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1830. – С. 586.
3. О соблюдении греко-российскими священниками церковных правил при крещении и брака армян, 3 июля 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Т. V: 1713–1719. – СПб.: Тип. II Отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1830. – С. 721.
4. Надеждин Н.И. Армяно-григорианская Церковь. СПб., 1843. 51 с.
5. Краткий очерк истории Армянской Восточной церкви / со вступ. от Н. Эмина. – М.: Православ. обозрение, 1872. – 44 с.
6. Мхитарянц А. История Армянской церкви. – Вагаршапат: Тип. Св. Эчмиадзина, 1874.
7. Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. – М.: «Мысль», 1976. – 456 с.
8. Ананян Ж.А. Армянская колония Григориополь. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969. – 276 с.
9. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. – 181 с.
10. Акопян В.З. История прихода Армянской Апостольской Церкви города Пятигорска. – Пятигорск: 2005. – 178 с.
11. Вартамян В.Г. Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фирма «Ирбис», 1999. – 74 с.
12. Вартамян В.Г., Казаров С.С. Армянская Апостольская Церковь на Дону. – Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2008. – 124 с.
13. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: Лисс, 1998. – С. 779.
14. Кугрьшева Э.В. История армян в Астрахани. – Астрахань: ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2007. – 287 с.

REFERENCES

1. Armenian churches of the Russian Empire, 1717–1917 [*Armyanskie tserkvi Rossiyskoy imperii (1717–1917)*]. Yerevan: Tigran Metz, 2009. (In Russ.).
2. A letter to the Emperor Peter I from the Patriarch of Jeremiah of Constantinople “On the non-baptism of the Lutherans and Calvinists embarking on the pious Greek faith and on their anointing with the holy world”, August 31, 1718 [*Gramota gosudaryu Petru I ot Konstantinopol'skogo patriarkha Ieremii «O nekreshenii vnov` pristupayushikh k blagochestivoy grecheskoy vere lyuteran i kal`vinov i o pomazanii ikh svyaty`m mirom», 31 avgusta 1718 g.*]. Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Vol. V: 1713–1719. St. Petersburg: 2nd Section of His Imperial Majesty Own Chancellery, 1830:586. (In Russ.).
3. On the observance by the Greek-Russian priests of church rules during baptism and marriage of Armenians, July 3, 1719 [*O soblyudenii greko-rossiyskimi svyashhennikami cerkovny`kh pravil pri kreshhenii i braka armyan, 3 iyulya 1719 g.*]. Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Vol. V: 1713–1719. St. Petersburg: 2nd Section of His Imperial Majesty Own Chancellery, 1830:721. (In Russ.).
4. Nadezhdin NI. The Armenian-Gregorian Church [*Armyano-Grigorianskaya tserkov`*]. St. Petersburg, 1843. (In Russ.).
5. A brief study on the history of the Armenian Eastern Church [*Kratkiy ocherk istorii Armyanskoy Vostochnoy tserkvi*]. Moscow: Pravoslav, 1872. (In Russ.).
6. Mkhitarianz A. History of the Armenian Church [*Istoriya Armyanskoy tserkvi*]. Vagharshapat: St. Echmiadzin Press, 1874. (In Russ.).
7. Galoyan GA. Russia and the peoples of Transcaucasia [*Rossiia i narody Zakavkazya*]. Moscow: Mysl, 1976. (In Russ.).
8. Ananyan JA. An Armenian colony of Grigoriopol [*Armyanskaya koloniya Grigoriopol`*]. Yerevan: AN ArmSSR, 1969. (In Russ.).
9. Poghosyan LA. An Armenian colony of Armavir [*Armyanskaya koloniya Armavira*]. Yerevan: AN ArmSSR, 1981. (In Russ.).
10. Akopyan VZ. The history of the congregation of the Armenian Apostolic Church in Pyatigorsk [*Istoriya prikhoda Armyanskoi Apostolskoi Tserkvi goroda Pyatigorska*]. Pyatigorsk, 2005:178. (In Russ.).

15. Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Государственно-правовое регулирование деятельности Армяно-Григорианской Церкви в Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 12 (54). – Ч. 4. – С. 166–170.
16. Ованесов Б.Т. Армянская община города Ставрополя. – Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. – 280+72 с.
17. Степанянц С.М. К истории деятельности Русской Православной Церкви в Армении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 2 (42). – Вып. 6. – С. 42–47.
18. Тунян В.Г. Армяно-русские отношения в церковной сфере, 1836–1917 гг. // Ազնւնք. – 2013. – № 2 (8). – С. 3–23.
19. Тунян В.Г. Армянская Церковь и самодержавие России в XVIII – начале XIX в.: концепции и реалии // Տարեգիրք: Գիտական հոդվածների ժողովածու. ԺԱ. – Երեւան: ԵՊՀ հրատարակչություն, 2016. – Էջ. 344–359. (Ежегодник. Сборник научных статей. Т. XI. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2016. С. 344–359.
20. Верт П. Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестках внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 гг. // Ab Imperio. – 2006. – № 3. – С. 99–138.
21. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. 2-е изд. М.: ЮНИСТРОЙ СК, 2005. – С. 141–150.
22. Ведяев А.В. Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // Христианское чтение. – 2017. – № 6. – С. 203–219.
23. Долженко И.В. Православные приходы Эриванской губернии. Миссионерская деятельность (XIX – начало XX в.) // Традиции и современность. – 2003. – № 2. – С. 72–82.
24. Айрапетян А. Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // Բնութիւն Հայագիտություն = Вестник Арменоведения = Journal of Armenian Studies. – 2016. – № 2. – С. 83–94.
11. Vartanyan VG. The Armenian-Gregorian Church in the politics of Emperor Nicholas I [Armyano-Grigorianskaya tserkov' v politike imperatora Nikolaya I]. Rostov-on-Don: Irbis Firm, 1999. (In Russ.).
12. Vartanyan VG., Kazarov SS. Armenian Apostolic Church on the Don [Armyanskaya Apostol'skaya Tserkov' na Donu]. Taganrog, 2008. (In Russ.).
13. Dyakin VS. The national question in the internal politics of tsarism (XIX – beginning of XX centuries) [Nacional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)]. Saint Petersburg: Liss, 1998:779. (In Russ.).
14. Kugrysheva EV. History of Armenians in Astrakhan [Istoriya armyan v Astrakhani]. Astrakhan, GP AO "Volga" Publ., 2007. (In Russ.).
15. Lukyanov SA., Udodov AG. State-legal regulation of the activity of the Armenian-Gregorian Church in the Russian Empire. International Scientific Journal [Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye deyatelnosti Armyano-Grigorianskoy Tserkvi v Rossiyskoy imperii // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal], Yekaterinburg, 2016;12(54:4):166-170. (In Russ.).
16. Ovanesov BT. The Armenian community of the city of Stavropol [Armyanskaya obshchina goroda Stavropolya]. Stavropol, GUP SK "Stavropolskaya local press", 2005. (In Russ.).
17. Stepanyants SM. On the history of the Russian Orthodox Church in Armenia [K istorii deyatelnosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Armenii]. Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya]. 2008;2(42:6):42-47. (In Russ.).
18. Tunyan VG. Armenian-Russian Relations in the Church Sphere 1836–1917 [Armyano-russkie otnosheniya v tserkovnoi sfere 1836–1917 gg.]. Ազնւնք (Akunk) [Akunk], 2013; 2(8):3-23. (In Russ.).
19. Tunyan VG. The Armenian Church and the autocracy of Russia in the 18th – early 19 centuries: concepts and realities // Տարեգիրք: Գիտական հոդվածների ժողովածու. ԺԱ. – Երեւան: ԵՊՀ հրատարակչություն [Armyanskaya Tserkov' i samoderzhavie Rossii v XVIII – nachale XIX v.: kontseptsii i realii]. Yearbook. Collection of Scientific Articles, Yerevan, 2016: XI: 344-359. (In Russ.).

20. Vert P. Head of the Church, subject to the emperor: Armenian Catholicos at the crossroads of the empire's domestic and foreign policy, 1828–1914 [*Glava Tserkvi, poddannyy imperatora: Armyanskiy katolikos na perekrestkakh unutrenney i vneshney politiki imperii*]. *Ab Imperio*. 2006;3:99-138. (In Russ.).

21. Guita J. 1700 years of loyalty. History of Armenia and its Church. [*1700 let vernosti. Istoriya Armenii i ee Tserkvi*]. Moscow: UNISTROY SK, 2005: 141-150. (In Russ.).

22. Vedyayev AV. Mixed marriages in the Russian Orthodox Church in the Synodal period [*Smeshanny`e braki v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v Sinodal`ny`y period*]. *Christian reading* [*Khristianskoe chtenie*], 2017;6:203-219. (In Russ.).

23. Dolzhenko IV. Orthodox congregations of the Yerevan province. Missionary activity (XIX – beginning of XX century) [*Pravoslavnye prikhody Yerivanskoj gubernii. Missionerskaya deyatel`nost` (XIX – nachalo XX v.)*]. *Traditions and modernity* [*Traditsii i sovremenost`*], 2003;2:72-82. (In Russ.).

24. Ayrapetyan A. The demographic policy of Russia in Eastern Armenia in the 19th century and early 20th century (on the example of the Alexandropol district) // *Բանբեր Հայագիտության* [*Demograficheskaya politika Rossii v Vostochnoy Armenii v XIX v. i nachale XX v. (na primere Aleksandropol`skogo uezda)*] // *Vestnik Armenovedeniya*, 2006;2:83-94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.05.2020 г.